

Импликатуры как модель смыслового порождения

С. Т. Золян

Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Российско-Армянский университет
surenzolyan@gmail.com

Аннотация. В докладе будут проанализированы основные положения концепции Пола Грайса. Наша цель: 1) показать, что хотя и максимы, и импликатуры по отдельности существенны для понимания логико- и лингво-семантических характеристик вербальной коммуникации, но они плохо совместимы между собой; 2) предложить новое понимание импликатур как операций контекстно-управляемого окказионального смыслопорождения. DOI: 10.52119/LPHS.2024.33.80.004.

Ключевые слова: П. Грайс, «Логика речевого общения», импликатуры, максимы, контекстно-зависимая семантика.

Введение. Концепция, изложенная в 1967 году Полом Грайсом в Джеймсовских лекциях и опубликованная сперва как мимеограф в 1968 г. под названием «Logic of conversation», за прошедшие полвека породила как минимум два направления в философии языка — грайсианство и пришедшее его развить и углубить неограйсианство (или, в узком смысле, теорию релевантности). Однако наиболее амбициозная цель Грайса — найти золотую середину между двумя крайностями, в его терминах, между *формалистическим и неформалистическим направлениями в философской логике* — вряд ли можно считать достигнутой. Более того, сам Грайс подчеркивал, что не претендует на решение проблем философии языка — он затрагивает их постольку, поскольку они соотносятся с различиями между формальными и естественными языками. Однако само подобное различие Грайс, разделяя общую атмосферу начала 60-х, считал ошибкой [1, с. 218]. Тем не менее наибольшее развитие идеи Грайса получили применительно к контекстно-зависимой семантике — как описание тех изменений, которым может подвергаться конвенциональная семантика высказывания (экспликатура) под воздействием контекста (импликатур). Но, как и у самого Грайса, у его последователей дело не идет дальше иллюстрации тех или иных нетривиальных случаев расхождения экспликатур и импликатур. Грайс считал, что он дал не столько завершённую теорию, сколько ее набросок, показав, какой она может быть. Поэтому имеет смысл вернуться к самим истокам — собственно концепции импликатур — и уяснить их статус. Являются ли они результатом операций, управляемых некоторыми соблюдаемыми интерлокуторами постулатами, а точнее взятыми на себя обязательствами (принцип кооперации и максимы), и в этом смысле неотличимыми от других социальных действий (как пример Грайс приводит ремонт автомобиля)? Или же мы имеем дело с чем-то иным, чего старательно и сознательно избегает Грайс, — это постулаты значения и операции семантико-лингвистического характера?

Принцип кооперации и постулаты общения требуют, чтобы говорящий предельно ясно и избыточно выражал то, что он считает, необходимо для эффективной беседы. Поэтому, казалось бы, понимание того, что говорится и о чем говорится, должно ограничиться экспликатурами. Однако на практике имеет место обратное: люди используют те выражения, которые, буквально понятые, оказываются неуместными, поэтому слушающий — как на то и рассчитывает говорящий — подключает свое воображение и начинает вычислять, а что на самом деле имел ввиду его собеседник. Непонятно, зачем говорящий, вместо того чтобы самому следовать максимам, вынуждает слушающего реконструировать то, что мог бы сказать, но не сказал говорящий. При этом есть одно несоответствие: говорящий, не сказав того, что он

имеет в виду, и говоря не то, что он хочет сказать, тем не менее делает это не произвольным образом, а в соответствии с принципом кооперации и четко выверенным способом отклоняясь от предудказанных максим — чтобы слушающий все же мог бы понять, что столь затейливый говорящий хочет сказать. Сама необходимость введения импликатур — свидетельство тому, что принцип кооперации и постулаты (максимы) в вербальной коммуникации не соблюдается. А игнорирование или отбрасывание в конечном результате *того, что сказано*, делает избыточным само речевое общение, оно заменяется приписываемой коммуникантам способности читать мысли (нечто подобное следует из определения принципа кооперации).

Максимы, категории, высказывания. Прямое указание Грайса на соотношенность введенных им максим с четырьмя категориями Канта (с учётом высказанной им по другому поводу «симпатии» к *трансцендентальному доказательству* [2, р. 329]) позволяет предположить, что предлагаемые им правила есть приложения трансцендентального аргумента к речевой коммуникации. Между тем, принцип кооперации предполагает ответственных интерлокуторов, а из введенных Грайсом максим релевантности и качества следует, что при соблюдении этих условий в пределах данного речевого акта могут порождаться только достоверные высказывания. К этому следует добавить и другие пресуппозиции, предшествующие речевому акту. Это так называемые прагматические пресуппозиции, которые, если исходить из принятого подхода, также можно рассматривать как априорные [3, с. 427–428]. Разумеется, эти высказывания могут оказаться и ложными, но уже в пределах других речевых актов, в которые они будут употреблены уже на других основаниях (либо как цитата, либо как анонимное высказывание, за которое никто не несет ответственности). Реальность посредством языка поглощается репрезентирующим его высказыванием и становится дискурсивной реальностью. Акт высказывания сам становится событием и заслоняет содержание высказывания, которое оказывается своего рода вложением внутри речевого акта. Но как раз это не учитывается в должной мере в логике Грайса. Так, согласно его подходу, высказывание «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается» со стороны вежливых и ответственных интерлокуторов должно быть переосмыслено (например, они должны предположить, что говорящий, видимо, имеет в виду макет Луны, «Луна», видимо, название нового автомобиля (торта) или оборудования для луна-парка). Между тем, в обычных условиях оно будет проинтерпретировано как свидетельство безумия говорящего или же адресат сочтет, что говорящий издевается над ним. Можно вообразить и эрудированных собеседников, они распознают это высказывание как отсылку к «Запискам сумасшедшего», то есть еще одному речевому акту, и могут воспроизвести его как пример бессмысленного высказывания, или как несколько ироничную константацию того, что в мире царит абсурд. При всех возможных различиях само высказывание с его буквальной (локутивной) интерпретацией «впаяно» в речевой акт и изменению не подлежит.

Принцип кооперации и семантика языка. Как отмечал Грайс, «соблюдение в речевом общении Принципа Кооперации и постулатов следует рассматривать как своего рода квазидоговор, аналогичный тому, который действует за пределами сферы дискурса, то есть во внеречевом общении» [1, с. 224]. Однако возникает вопрос — насколько правомерен подобный перенос? Стоит задуматься над тем, что нечто вроде максим Грайса Кант описал применительно к *званому обеду* [4, с. 429–430], то есть ситуации, весьма жестко регулируемой социальными поведенческими правилами. Принцип кооперации подменяет интерпретацию высказывания

интерпретацией интенций и контекстов. Между тем, различные языковые функции не ограничиваются лишь тем, чтобы надлежащим образом, то есть в соответствии с квази-договорными максимами, информировать собеседника о своих установках. В отличие от ситуации званого обеда, где участники неявно принимают ряд правил, речевое общение может и не основываться на подобных договорных отношениях; здесь уместно вспомнить о многообразии языковых игр Витгенштейна, включая игры, в которых правила изменяются в ходе самой коммуникации (например, адресат понимает, что его вводят в заблуждение, и т. п.). Право адресата — давать различные интерпретации, и он не обязан стараться реконструировать именно то, что имел в виду говорящий, здесь скорее уместна триада Остина — Серля (локутивное, иллюкутивное и перлокутивное значение и их возможное несовпадение). Примечательно, что проблему интерпретации языковых выражений, адекватность или неадекватность понимания Кант связывал с поведением и действиями в ответ на сказанное, весьма скептически относясь к способности говорящих понять друг друга: «Люди, говорящие на одном и том же языке, бесконечно далеки друг от друга по понятиям; а это обнаруживается только случайно, когда каждый начинает действовать по своему собственному понятию». И причина не в нежелании сотрудничать, а в характеристиках употребления языка: *так как знаки принимаются за вещи, и наоборот* [4, с. 431].

Теория рационального действия и двойная контингентность. Теория рационального действия и двойная контингентность. В качестве другой аналогии, если не источника, можно назвать возникшую в социологии Вебера, а затем Парсонса теорию рационального действия. Принцип кооперации Грайса схож с двойной контингентностью (в русском переводе — двойной зависимостью), причем именно в парсоновском понимании — это взаимный учет обоими интерлокуторами интерпретаций не только своих, но и приписываемых ими своим визави. Парсонс был лингвистичнее — он как на обязательное условие указывал на стабильность используемых значений [5, с. 436–437]. Концепция двойной контингентности была радикально изменена Никласом Луманом (о чем Грайс, разумеется, в 1967 г. знать не мог). Он счел сомнительным *допущение о наличии между коммуницирующими системами ценностного консенсуса, согласованной нормативной ориентации, «общей символической системы», имеющей, подобно «коду», нормативный характер* [6, с. 152]. У Лумана это не взаимодействие между читающими мысли друг друга субъектами, а между непроницаемыми друг для друга черными ящиками; «каждый из них определяет собственное поведение посредством комплексных самореферентных операций в своих пределах... и предполагает в отношении другого то же самое. Поэтому при всех усилиях... черные ящики остаются друг для друга непрозрачными» [6, с. 158]. Взаимодействие между ними осуществляется через окружающий мир: возникающая неопределенность может быть снята через наблюдение, обе системы взаимно допускают детерминированность в отношении система — окружающий мир и на основании этого наблюдают друг друга. Попытка просчитать другого неизбежно потерпела бы неудачу (операции каждого замкнуты только на себе), тогда как попытка повлиять на другого *через его окружающий мир может увенчаться успехом и позволяет накапливать опыт* (с. 159–160). С такими уточнениями теория рационального действия оказывается куда ближе к принципам задуманной Грайсом *логики речевого общения*.

Имплицатуры как механизм окказионального смыслопорождения. Имплицатуры как механизм окказионального смыслопорождения. Взаимодействие осуществляется через мир,

и только посредством этого возможно воздействие на адресата. Вместо чтения мыслей интерпретации подлежит сам речевой акт как событие. Двойная контингентность может быть понята как наблюдаемое интерлокуторами взаимодействие высказывания и контекста, посредством которого высказывание, не теряя своих конвенциональных характеристик, приобретает дополнительные. Импликатуры являются операциями, делающими возможными подобное окказиональное смыслопорождение. В семиотических терминах это может быть описано как приписывание означаемому дополнительных означаемых, высказывание одновременно выражает несколько семантических структур, связанных отношением импликатуры и рекурсии. Такое понимание позволит учесть также и лингвистические характеристики ключевого для неограйсианской теории принципа релевантности, который предполагает максимальный когнитивный эффект при минимуме процедур обработки информации [7]. Если в духе Грайса предполагать, что импликатуры относятся к интенциям говорящих, то это допущение наделяет интерлокуторов, помимо телепатии, еще и способностью мгновенно просчитывать минимумы и максимумы достигаемого когнитивного эффекта и требуемых для этого интеллектуальных затрат. Если же учитывать, что объектом операций оказывается речевой акт с включенным внутри контекста и обстоятельств высказыванием, то проблема получает пусть и нерегулярное, но вполне привычное решение — как окказиональное контекстно-управляемое смыслопорождение, не предполагающее дополнительного синтаксического структурирования и потому большей частью неоднозначное.

Литература

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика*. М.: Прогресс, 1985, с. 217–237.
2. Grice P. *Studies in the Way of Words*. Harvard University Press, 1989.
3. Столнейкер Р. С. Прагматика. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика*. М.: Прогресс, 1985, с. 419–438.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. Кант И. *Сочинения: в 6 т.* Т. 6. М.: Мысль, 1966, с. 350–588.
5. Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 2000.
6. Луман Н. *Социальные системы: очерк общей теории*. СПб.: Наука, 2007.
7. Wilson D., Sperber D. Relevance Theory. *The Handbook of Pragmatics* / ed. by L. R. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell, 2004, p. 607–632.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, Калининград, Россия.